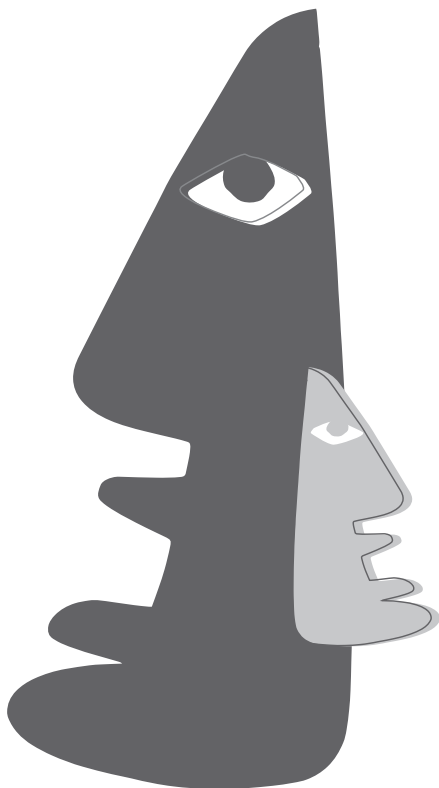

Афоризмы,
анекдоты,
эссе,
рассказы,
пародии

Смех на Все случаи жизни

*Американская
комическая
проза
XVIII—XX веков*

*Составление,
перевод,
вступительная
статья,
комментарии
Александра
Ливерганта*

Москва 2020

УДК 821.111-7(73)
ББК 84(7Coe)7
С50

Художник
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Капыч

С50 **Смех на все случаи жизни** : Американская комическая проза XVIII—XX веков / Составление, перевод, вступительная статья, комментарии Александра Ливерганта. — М. : Время, 2020. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-9691-1892-8

В книге представлены наиболее известные авторы и произведения американской литературы смеха за последние 300 лет, от Бенджамина Франклина до юмористов и сатириков конца XX века. А также всё многообразие юмористических жанров: юмористические и сатирические рассказы, очерки, эссе, пародии, стилизации, театральные бурлески, афоризмы и т.д.

ББК 84(7Coe)7

ISBN: 978-5-9691-1892-8

© А. Я. Ливергант, составление,
перевод, вступительная статья,
комментарии, 2020
© «Время», 2020

Слоны и сокровища или воскресная школа?

В свое время Оскар Уайльд глубокомысленно заметил: «У нас с американцами все общее, кроме языка». Парадоксальное это высказывание, как почти всякий афоризм, в котором истина, чтобы стать очевидной, переворачивается с ног на голову, следует конечно же читать «задом наперед». У нас с американцами, хотел в переводе с афористического языка на обычный сказать Уайльд, общее — язык, все остальное — разное.

Разный, более того — прямо противоположный у англичан с американцами и юмор, искусство шутить. «Фамильная черта» английского характера, а значит, и юмора — understatement, недоговоренность, сдержанность, подтекст. Принципиальная особенность юмора американского, напротив, — overstatement, несдержанность, избыточность, страсть к фантазии, вымыслу.

Американский писатель — новеллист, журналист, пародист — предпочитает правдивой истории (tale) небылицу, выдумку (tall tale), нарочитое преувеличение. И в этом смысле Эдгар По, отдавший в своей новеллистике дань не только трагическому, но и комическому, мало чем отличается, скажем, от «черных юмористов» конца XX века Джеймса Патрика Донливи или Дональда Бартельма. «Допущения» По, в одной из новелл которого рассказчику — материалисту и прагматику является Ангел Необъяснимого «с телом, напоминавшим винную бочку», ничуть не менее фантазмагоричны, чем, скажем, фантазии Донливи: герой «Долготы и широты», этот новоявленный Робинзон, отправляется на моторке на купленный им в океане остров, однако «почему-то» его не находит. Или у Бартельма в рассказе «Олух» Эдгар тщится сдать «Общенациональный экзамен для писателей, который продолжается пять часов

пятьдесят минут», а его сын-неудачник носит плед, «связанный из двухсот транзисторов, все они работали, и каждый был настроен на свою волну...» Писатель-юморист 30-х годов XX века Фрэнк Салливен отдавший дань черному юмору, задолго до появления в литературе этого термина («...не рекомендуется готовить миссионера, не заправив его луком-пореем... как известно, миссионер “не идет” без шерри») недалеко ушел от Марка Твена (вспомним хотя бы его гротески вроде «Журналистики в Теннесси» или «Белого слона»), или от поистине безудержного воображения своих современников Роберта Бенчли и Дороти Паркер, самых, пожалуй, талантливых «алгонквинцев», неформального объединения писателей, издателей, журналистов, которые в начале 20-х годов прошлого века собирались в нью-йоркском ресторане «Алгонквин» и писали для тогда еще совсем нового журнала «Нью-Йоркер», ставшего со временем ведущим органом американской юмористики, аналогом британского «Панча». «Ньюйоркерцам» Бенчли и Терберу, Паркеру и Саллиvenu, как и американским юмористам в целом, свойственны бурлеск, реализация метафоры, гротесковое снижение, в результате которого возникает забавное несоответствие между темой и ее языковым воплощением.

Проникает «небывальщина» и в афористику: пародийная энциклопедия «Псевдо-Вебстер», написанная в точном соответствии с выведенным М. Твеном определением афоризма — «минимум слов, максимум смысла» — одним из самых ядовитых американских сатириков Генри Луисом Менкеном, создателем отталкивающей литературной особи *Voobus Americanus*, продолжает традиции «Словаря Сатаны» и фантастических басен Амброза Бирса, в которых горькие и язвительные размышления о непреходящих американских и общечеловеческих недостатках сочетаются с проявлениями самой безудержной фантазии: «Лидер одной политической партии

Слоны и сокровища или воскресная школа?

прогуливался как-то по солнышку и вдруг увидел, что сопутствующая ему Тень оторвалась от него и быстро зашагала прочь...»

Характерна «небылица» и для американского романа — взять хотя бы «Поправку-22» Джозефа Хеллера, где военные снабженцы вступают в коммерческие сделки с противником, военно-полевой суд выносит приговор армейскому капеллану, не зная в чем его вина, а заведующий армейской столовой является «по совместительству»... мэром Палермо. И для сатирико-юмористического жанра журнальной или газетной колонки, которую в довоенные годы ведут такие выдающиеся выдумщики, как Кристофер Морли («Ивнинг сан»), Франклин Пирс Адамс («Трибьюн»), Дон Маркиз («Сан», «Геральд трибьюн») и конечно же комик, журналист и цирковой артист в одном лице Уилл Роджерс, высмеявший в «Безграмотном дайджесте» журналистские опусы 20—40-х годов. И даже для жанра реалистической новеллы О. Генри, если, конечно, новеллу О. Генри можно назвать реалистической. О. Генри и «вышедший из его шинели» Ринг Ларднер отличались исключительным чутьем на парадоксальное в обыденном; непредсказуемые концовки их рассказов — свидетельство того, что может произойти по прихоти судьбы (или изобретательного автора) с рядовым американцем, которому нет равных в таких естественных человеческих потребностях, как преуспеть, прихвастнуть и приврать.

Вот и возникает еще один глобальный американский парадокс: нация, склонная в жизни к прагматизму и здоровому практицизму («Почему ты такой бедный, если ты такой умный?»), в литературе, комической во всяком случае, напротив, то и дело «привирает», подменяет правду жизни вымыслом — лишнее свидетельство того, что литература и жизнь вещи разные, нередко прямо противоположные.

О том, как соотносятся правда и вымысел, американская действительность и американская литература, убедительнее всего ска-

зано в книге, по праву считающейся энциклопедией американской жизни: «Том сказал нам, что получил от своих лазутчиков тайное сообщение, будто завтра около пещеры остановится целый караван богатых арабов и испанских купцов с двумя сотнями слонов, шестью сотнями верблюдов и тысячей выючных мулов, нагруженных алмазами... Как только дали сигнал, мы выскочили из кустов и сканулись с горы. Но никаких испанцев и арабов там не было; верблюдов и слонов тоже. Оказалось, что это всего-навсего экскурсия воскресной школы, да и то один первый класс...» (перевод Н. Дарузес).

Вы, конечно, догадались, о какой книге идет речь. Том Сойер, подобно хитроумному идальго за три века до него, считает, что это чародеи превратили солдат, слонов и сокровища в воскресную школу, а скептик Гек Финн — что никаких сокровищ и слонов и в помине не было. Так вот, в американской литературе смеха Том Сойер — в чем вы убедитесь, когда прочтете эту книгу, — берет, вопреки всем завоеваниям реалистического искусства, над своим другом верх. Не будем, правда, забывать, что и Том Сойер (в отличие от Дон Кихота) не особенно верил в собственные выдумки...

Когда-то классик марксизма заметил, что человечество с улыбкой расстается со своим прошлым. Американские юмористы (на то они и юмористы) переосмысливают, переиначивают, вышучивают то, что еще недавно было аксиомой, считалось неопровержимым здравым смыслом. «Нежелание учиться хуже невежества», читаем мы в «Альманхе Бедняка Ричарда», этом веселом, афористически заостренном, на самом же деле глубоко серьезном, выстраданном кодексе протестантской этики, написанном в XVIII веке одним из «отцов-основателей» Бенджамином Франклином, на что, спустя сто с лишним лет, М. Твен откликается мыслью прямо противоположной: «В этой жизни необходимы невежество и самоуверенность, и успех вам обеспечен». «Плохой друг сродни тени, он появляется,

только когда светит солнце», — учит Франклин. «Как следует подумай, прежде чем заговорить с другом, попавшим в беду», — вносит свою ироническую коррективу в дружеские отношения Амброз Бирс. «Отрежь крылья курам и надеждам, чтобы и те и другие попусту не хлопотали», — некогда советовал Франклин, на что через двести пятьдесят лет отзывается кумир и читателей и кинозрителей (в том числе и российских) Вуди Аллен, назвавший свой сборник бурлесков, пародий, комических очерков «Ощипанная надежда». Начинается «Ощипанная надежда» со слов: «Судьбе было угодно окрылить моего племянника, и теперь я вынужден водить его по психиатрам». В «Альманахе Бедняка Ричарда» Франклин учит своих соотечественников простым, важным и довольно трудно достижимым вещам (чтобы в этом убедиться, перечитайте М. Твена, О. Генри и Бирса) — много работать, не лгать, в срок отдавать долги, не ждать от жизни многого, поменьше молиться и побольше соблюдать заповеди, помнить, что «тщеславие цветет, но не плодоносит» и что «смерть взятку не берет». В бурлесках, которыми эта книга кончается, В. Аллен конечно же никого ничему не учит — назидательный, «правильный» юмор остался в позапрошлом веке. В соответствии с постмодернистским канонам, писатель комически самоутверждается за счет того, что вышучивает. Мишенью его «разнузданной» даже по американским меркам фантазии становится не жизнь, как, скажем, у Ирвина Кобба или Ленгстона Хьюза, а литература, литературный прием, который гиперболизируется и тем самым доводится до абсурда, как это, впрочем, делали еще за полвека до В. Аллена и Роберт Бенчли, и Фрэнк Салливен, и самый, пожалуй, талантливый из плеяды «ньюйоркеры», пока еще мало известный у нас Джеймс Тербер.

Джеймс Тербер, кстати сказать, тоже с улыбкой расстался со своим литературным прошлым. И тоже «за счет» Франклина. Эволюция американской литературы (быть может, не только литерату-

ры смеха и не только американской) за без малого триста лет пролегал, собственно, между двумя, на первый взгляд одинаковыми, популярными шуточными двустушиями. Первое (дидактическое) принадлежит тому же Б. Франклину, второе – шутливое, даже ерническое – Дж. Терберу:

Франклин:

Early to bed and early to rise,
Makes a man healthy, wealthy and wise.¹

Тербер:

Early to rise and early to bed,
Makes a man healthy, wealthy and dead.²

Тербер меняет местами в стишке Франклина всего-то два слова – и переворачивает, скептически переосмысляя, просветительскую этику с ног на голову.

Точно так же, как перевернул с ног на голову трюизм об общем языке у англичан и американцев Оскар Уайльд.

А. Ливергант

¹ Рано в кровать,
Рано вставать,
Горя и хвори не будете знать.

² Рано вставать,
Рано в кровать,
Смерти здоровой не миновать.

Бенджамин Франклин

Колдуны в Маунт-Холли

Берлингтон, октября 12 числа

В прошлую субботу в Маунт-Холли, милях в восьми от Берлингтона, собралось около трехсот человек, пожелавших стать свидетелями испытания подозреваемых в колдовстве. Как нам стало известно, обвиняют этих людей в том, что под воздействием их колдовских чар соседские овцы танцуют в неподобающей манере, свиньи же, к величайшему ужасу и изумлению добропорядочных и мирных подданных короля, говорят человеческим голосом и распевают псалмы. Обвинители божатся, что если на одну чашу весов поставить обвиняемого, а на другую положить Библию, то Библия перевесит, и что если обвиняемых связать и бросить в реку, они будут держаться на воде и не потонут. Обвиняемые же, от всей души стремящиеся доказать свою невиновность, согласились пройти вышеназванные испытания при том, однако, условии, что два самых непримиримых обвинителя пройдут их вместе с ними. Ударили по рукам, договорились о времени и месте и оповестили всех в округе; обвинителей было двое — один мужчина и одна женщина, обвиняемых — столько же. Когда испытуемые

явились и собрался народ, было решено начать с взвешивания, после чего отобрали группу мужчин для обыска испытуемых мужчин и группу женщин для обыска испытуемых женщин, дабы выяснить, не прячут ли они в карманах или на себе что-нибудь тяжелое — булавки к примеру. По окончании обыска из дома судьи была извлечена тяжелая, огромных размеров Библия, площадь оцепили, как окружают во время охоты на бекасов болота, а в собравшейся толпе освободили проход, с тем чтобы супруга судьи, а с ней и прочие дамы могли, не смешиваясь с народом, видеть весы, водруженные на помост, воздвигнутый для этой цели прямо против дома судьи. Затем в дверях судейского дома показался предполагаемый колдун, за которым следовал мрачного вида и могучего телосложения мужчина со Священным Писанием на вытянутых руках. (Библию он нес не менее торжественно, чем несет шпагу лорд-мэра Лондона печатающий перед ним шаг оруженосец.) Первым на весы посадили обвинявшегося в колдовстве, над ним была прочитана глава из Пятикнижия, после чего на другую чашу весов опустили Библию. К величайшему изумлению зрителей, чаша весов с человеком тут же ударилась о помост, с легкостью перевесив Книгу книг. Таким же образом были испытаны и остальные трое, и всякий раз бранные их тела оказывались во много раз тяжелее, чем Моисей, все пророки и апостолы, вместе взятые. Когда же сие испытание подошло к концу, обвинители, а также собравшийся народ, не удовлетворившись достигнутым результатом, постановили продолжать испытание на воде, с каковой целью все вместе чинно направились к пруду, где обвиняемых и обвинителей раздели донага (женщин же оставили в одних

нижних рубашках), связали по рукам и ногам и опустили в воду, предварительно обвязав каждого веревкой, другой конец которой держали находившиеся в лодке матросы. Один из обвинителей, человек щедушный и, по всей вероятности, слабого здоровья, вскоре действительно начал тонуть; остальные же трое с легкостью держались на воде. Стоявший в лодке матрос прыгнул для верности обвиняемому на спину, полагая, что таким образом его потопит, однако связанный безо всякого труда всплыл, причем сделал это раньше прыгнувшего на него матроса. Обвинительница, увидев, что не тонет, пожелала, чтобы ее бросили в воду вновь, однако не пошла на дно и на этот раз, после чего во всеуслышание заявила, что сделалась невесомой оттого, что ее заколдовал обвиняемый, и что готова лежать в воде связанной до тех пор, пока дьявол из нее не выйдет. Обвиняемый же, несказанно удивившись, что каким-то образом держится на воде, перестал с прежней горячностью настаивать на своей невиновности и заметил: «Если я колдун — стало быть, я многого про себя не знаю». Наиболее дельные из зрителей пришли к выводу, что всякий связанный по рукам и ногам и брошенный в воду (исключение составляют лишь те, про кого говорят: «кожа да кости») будет держаться на плаву столько, сколько хватит дыхания и пока в легкие не попадет вода. Высказано было, однако, и другое мнение, согласно которому женщинам удалось удержаться на поверхности воды благодаря нижним рубашкам, а также подвязкам, за которые их привязали, в связи с чем решено было дождаться еще одного погожего дня и провести повторное испытание, причем на этот раз женщин, вслед за мужчинами, раздеть донага.

Альманах Бедняка Ричарда

Бережливость

Избегай мелких трат: из-за ничтожной пробоины тонет огромный корабль.

Бережливому все дешево; моту — все дорого. Экономить и иметь лучше, чем тратить и кряхтеть.

Не присматривать за рабочими — значит отдать им свой кошелек.

Решил потратить пенс — остановись и подумай.

Искусство разбогатеть во многом зависит от бережливости. Заработать способен не каждый, зато стать бережливым по силам любому.

Откладывай сам и жену научи —
Не целый день светят солнца лучи.

Богатство

Если деньги и в самом деле твои, почему не взять их с собой в могилу?

Богатство не у того, кто им владеет, а у того, кто умеет им распорядиться.

Тот, кто полагает, что деньги могут все, способен на все за деньги.

Крыша над головой,
Погреб полон едой,
Да верная жена с тобой —
Нет на свете большего богатства!

Щедрая душа меньше всего думает о деньгах — и больше всего в них нуждается.

Никогда не видал, чтобы философский камень превращал свинец в золото, однако не раз становился свидетелем того, как погоня за ним превращает золото в свинец.

Если хочешь узнать цену деньгам — ступай и возьми в долг.

Богатство и счастье не всегда растут на одной грядке.

Преумножающий богатство преумножает заботы.

От шелка и бархата гаснет домашний очаг.

Бедняку, чтобы набить брюхо мясом, нужны ноги; богатому — брюхо.

Коли добрые дела не способны спасти меня от смерти, пусть хотя бы даруют мне вечную жизнь.

Кто богат? Тот, кто довольствуется малым.

Щедрый человек не тот, кто дает много, но тот, кто делает это с умом.

Мы с деньгами дружны от века:
Мы тратим деньги; деньги — человека.

Брак

До свадьбы смотри в оба. После свадьбы жмурься.

Прежде чем взять жену, обзаведись домом.

Дом без женщины и огня в камине все равно что тело без души.

Нет жены — нет жизни.

Потерял хорошую жену — лишился Божьего дара.

Там, где есть брак без любви, есть и любовь без брака.

Женись на той, кого ты не достоин, — и будешь в доме хозяином.

Тот, кто берет жену издалека, либо обманет ее, либо будет обманут сам.

Величие

Быть почтительным с вышестоящим — твой долг; с равным — любезность; с нижестоящим — великодушие.

Нанести рану врагу — значит поставить себя ниже него; отомстить — значит поставить себя вровень с ним; простить — значит поставить себя выше него.

Человек по-настоящему великий не станет ни наступать ногой на червя, ни пресмыкаться перед монархом.

Великих людей, славе неведомых, ничуть не меньше, чем прославившихся.

Куда сложнее держать в узде себя, чем горячую лошадь.

Тот, кто побеждает сам себя, заслуживает триумфальной колесницы более, чем победивший врагов Рима Цезарь.

Ослепительная красота, великая сила и несметные богатства — ничто в сравнении с великодушным сердцем.

Будь на деле тем, кем хочешь себе казаться.

За великой скромностью всегда скрываются великие заслуги.

Прямодушный пахарь достойнее злокозненного монарха.

Благороднее прощать и презирать, чем мстить за обиду.

Ближайший путь к славе — сделать для своей совести то, что делается для славы.

Дар сострадания душе широкой дан;
Лишен его злокозненный тиран.

Возраст

Все хотят жить долго — но стареть не хочет никто.

Юноша думает, что двадцать шиллингов и двадцать лет не кончатся никогда.

Молодежь дерзит; старость скромничает и во всем сомневается. Так и колос пшеницы:

Молодым он задорен и весел,
А созрел — и головку повесил.

Врач

Тот лучший врач, кто не верит в лекарства.

Бог лечит, врач берет за лечение плату.

Врачу и адвокату говори одну только правду.

Не ходи к врачу из-за любого недомогания, к адвокату — из-за любой ссоры, к колодцу — всякий раз, как захотелось пить.

Время

Ты-то можешь ждать сколько угодно, а вот время ждать не будет.

Время — это та трава, что исцеляет все болезни.

Если хочешь праздной жизни, не трать время попусту.

Коли тебе дорога минута, не трать даром часы.

Глупость

Гнев и глупость идут по жизни рука об руку; раскаяние наступает на пятки обоим.

Тот, кто строит, не посчитав, во что это ему обойдется, ведет себя глупо; тот же, кто посчитал, прежде чем строить, понимает, что посчитал плохо.

Дураку мнится, что он всего лишь невежда.

Гордыня

Гордыня просит подаяния столь же громко, как нужда, — и куда настойчивей.

Отсутствие гордыни не всегда признак униженности.

Гордые ненавидят гордость — в других.

Гордыня обедает тщеславием, а ужинает презрением.

Гордыня приумножается — богатство приуменьшается.

«Что нынче модно? Наряжусь пойду!»
У разума б ему идти на поводу!

Гость

Навещай свою тетку — но не каждый день; приходи к брату — но не всякий вечер.

Рыба и гость начинают смердеть через три дня.

Хочешь избавиться от надоевшего гостя — ссуди его деньгами.

Часами будет гость болтать, и пить, и есть —
И невдомек ему порой, что может надоесть!

Дела государственные

Королевская корона головную боль не излечит.

В реках и плохих правительствах на плаву удерживается все самое легковесное.

Добрая воля управляемых умрет с голоду, если не кормить ее добрыми делами правителей.

Дети и монархи скандалят по мелочам.

Тот, кто хочет подняться в обществе, для начала должен научиться ползать.

Безумных королей и диких мустангов не удержать мирными договорами и канатом.

Чернь — монстр: много голов и полное отсутствие мозгов.

Невежество подбивает людей вступать в политическую партию — а стыд их в ней удерживает.